

О ЛЮБВИ

Есть в мире два знания: одно только удивляет, другое очаровывает. Ученые нашли, что скорость световых и электрических волн в эфире равна 300 000 километров в секунду; что человек в конце концов только животное, сумевшее передразнить своими действиями мир и тем приспособившееся к нему и отчасти победившее его.

Повторение, в течение веков и веков, скажем, такого процесса, как зажигание вулканической лавой или молнией лесов, самовозгорание торфа, степей и т. д., — повторение этих явлений родило в животных — предтече человека — чувство как бы вечной необходимости в огне. Раньше ведь земля жила более лихорадочной, более юной, свирепой жизнью. Огонь, естественный огонь чаще видели животные. Если сейчас появление огня в природе пугает даже человека, то когда-то могло быть и наоборот — исчезнувшие лесные и болотные пожары могли ужаснуть животных, привыкших в течение веков к неугасимому огню на горизонте. И изобретателем огня было то животное, которое приволокло потухающее дерево из сгоревшего леса и зажгло им другой лес, чтобы успокоить этим себя и свою самку, т. к. они привыкли к пламени и отсутствие его для них ужасно и неестественно.

Это только, конечно, предположение, а не исторический факт. (Вставка: В прошлые времена, да и теперь, в большинстве случаев, сначала является вещь, а потом вырастает потребность в ней.)

Такие области знания, как физика эфира, теория электричества — таят в себе такие глубокие тайны, что их открытие будет долго ослеплять и поражать человечество.

Наука — красавица, но только своими одеждами. Она — свет, чистый и до конца прозрачный, но ни теплый, ни холодный. Этот неморгающий глаз человечества смотрит, но не любит, а думает, и, как глаз, наука нужна, чтобы только видеть и освещать.

И есть другое знание, которое очаровывает и перед которым благоговеют. Назвать знанием его в полном смысле нельзя. Это другое, и вы сами увидите что.

Я вам расскажу о силе, которая настолько сильна, что может обессилить себя и перестать быть силой, о красоте, которая может стать безобразием и чудовищем, если захочет, о свободе, для которой сладка и желанна бывает неволя, и об истине, которая одевается ложью и все-таки бывает истиной, настолько она всемогуща. Жизнь смеется и из гробов. Когда мне приходилось говорить об этом с маленьким мальчиком, я объяснил ему как можно понятней и проще мир и жизнь человечества. О своем труде в прошлые времена сами мы должны прежде других проникнуться до конца этой силой, чтобы понять ее и передать это понятие другим.

Скажу все до конца. До сих пор человечество только и хотело ясного понимания, горячего ощущения той вольной пламенной силы, которая творит и творит и разрушает вселенные. Человек — соучастник этой силы, и его душа есть тот же огонь, каким зажжено солнце, и в душе человека такие и еще большие пространства, какие лежат в межзвездных пустынях.

Человек хочет понять себя, чтобы освободиться от ложных понятий греха и долга, возможного и невозможного, правды и лжи, вреда и выгоды и т. д. Когда поймет человек себя, он поймет все и будет навсегда свободен. Все стены падут перед ним, и он наконец воскреснет, ибо настоящей жизни еще нет. Что поймет человек вперед — себя или природу — это не важно, это все равно. Почему же это так? Раз человек и вселенная — одно и человек сам та же сила, которая бьется и дышит в звездах и траве, то что же ему не понятно, что его мучит и мешает жить, мешает быть вполне той вольной чудесной силой, которая ничем не ограничена и для которой нет невозможного; что живому человеку мешает быть жизнью, для чего ему потребовалось объяснение и понимание мира и жизни, чтобы жить? Ведь вон трава растет,

пока растется, и не знает ни горя ни радости в человеческом смысле. Ведь радость человек понял только после горя. Объяснить эту великую историческую работу всего человечества — значит объяснить все. Попробуем же это сделать.

Вся задача ее решения лежит в пределах человечества и не распространяется дальше. И вся разгадка лежит в сознании человека, в его мысли — этом новом молодом чувстве человека, присущем только человеку и больше никому и ничему.

В порядках борьбы за существование, в каких-то организмах, предшествующих человеку, родилась мысль как новая мощная органическая функция для жизни и победы. В человеке мысль достигла своего расцвета, высшей силы и совершенства. Этот новый орган жизни требует себе соответствия, равновесия с миром. Если чувства, которые гораздо древнее мысли, уже нашли общую, уравнивающую их в мире точку в форме наслаждения, то мысль еще не твердо стоит в мире, мысль, так сказать, не сбалансирована с природой, и от этого происходит всякая мука, отравы и порча жизни, чувство расцветает в миге наслаждения, — и чувство нашло себе пищу, уравновесилось, усиливается и служит целям человека. Мысль не нашла себе еще ответа. Ответить же и удовлетворить мысль может только истина, и не осколки истины (часть истины — всегда ложь, только вся истина — истина), а вся истина.

Ту трепетную силу, творящую вселенные, чувство назвало бы именем блага и наслаждения. И чувство эту силу так. Мысль назвала бы эту силу истиной, но еще назвала ее так, и до того момента, пока мысль не обнимет всю вселенную и не сознает ее как истину, человечеству нужны будут разные религии, разные науки и всякие другие условные знаки, дымные образы, где как будто уже светится истина, найдены все концы, но этого еще нет на самом деле, раз идет время и сменяются (веры), отвергаются и забываются веры и знания. Чувство родилось давно и уже слилось с душой мира. Мысль не слилась, не совпала еще, а только ищет этого слияния в полном познании мира.

Это неравновесие мысли и мира, т. е. отсутствие истины, произвело историю человечества, т. е. труд на протяжении веков.

Значит, религия и науки — это попытки слияния мысли с миром. Но мысль — чисто человеческое свойство, и весь вопрос о так называемой истине, наш, местный вопрос. Этот вопрос и мешает нам жить, мешает воскреснуть для полной, настоящей, всемогущей жизни. Чтобы найти жизнь, надо решить этот вопрос, уравновесить истиной голодное человеческое сознание. Познанный же мир все равно что покоренный. А раз мы покорим мир, мы освободимся от него и возвысимся над ним, создадим иную вселенную.

Маленькая, как будто вещь, мысль требует себе работы и удовлетворения — и родила своим существованием то мучительное состояние, что человек ищет смысла, будучи сам смыслом, хочет изменить мир и не знает для того хорошего оружия, а всякое оружие находится же в его руках. Весь мир должен стать равен человеческой мысли — в этом истина. Вот в чем вся суть.

До наших пор человек, стремясь овладеть истиной мира для его покорения, как требует его новая органическая сила — мысль, человек создавал только миражи истины, обманные видения ее в виде религий и наук. Теперь подошло время, когда человек действительно может познать мир, овладеть истиной об нем.

Что нужно делать, чтобы и мальчику и мне жилось хорошо, то на мой вопрос, как назвать ту ласковую силу, которая в нас бьется и ведет нас к счастью и силе, мальчик отвечал: моя мама. Другой человек, писатель, после долгого разговора крикнул: так это же жизнь, как хорошо! И он сам сказал, как легко ему стало после того, как он понял жизнь. Оказывается, он ее не понимал.

А до этого он сидел угрюмый и бледный, со скорчившейся от тоски душой. Над народом не надо смеяться, даже когда он по-язычески верит в свою богородицу. Сознание, что на небе есть благая богородица — роднее и ласковей матери, дает сердцу мужика любовь и силу, и он веками ходит за сохой и работает и живет как мученик.

Если мы хотим разрушить религию и сознаем, что это сделать надо непременно, так как коммунизм и религия несовместимы, то народу надо дать вместо религии не меньше, а больше, чем религия. У нас же многие думают, что веру можно отнять, а лучшего ничего не дать. Душа нынешнего человека так сорганизована, так устроена, что, вынь только из нее веру, она вся опрокинется и народ выйдет из пространств с вилами и топорами и уничтожит, истребит пустые города, отнявшие у народа его утешение, бессмысленное и ложное, но единственное утешение.

Вы скажете, но мы дадим народу взамен религии науку. Этот подарок народ не утешит. Наука в современном смысле и существует-то только 100-150 лет, религия же десятки тысяч лет. Что же сильнее и что глубже въелось в нутро человека? Сами ученые, самые вожди науки почти все были верующими людьми.

Наука еще стоит на таком низком уровне, что не может быть руководительницей человека, силой, стоящей выше его. Жизнь пока еще мудрее и глубже всякой мысли, стихия неизмеримо сильнее сознания, и все попытки замещения религии наукой не приведут к полной победе науки. Людям нужно другое, более высшее, более универсальное понятие, чем религия и чем наука. Люди хотят понять ту первичную силу, ту веселую буйную, мать, из которой все течет и рождается, откуда вышла и где веселится сама эта чудесная бессмертная жизнь, откуда выросла эта маленькая веточка — религия, которая теперь засыхает, и на месте ее, на одном с ней стволе вырастает другой цветок — наука, память.